

КОНСТАНТИН ШИРОКОВ

ЕЛИЗАВЕТА

16+

Константин Александрович Широков Елизавета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48443330

SelfPub; 2020

Аннотация

И было много ласкового неба, и было много света и любви, и был ли я свободен в это лето от предрассудков, комплексов, молвы...

Ослепительно и солнечно над моей кроватью. Какой-то замысловатый круговорот жёлтого на стене. Сонная тишина...

Так бывает утром, часов в семь, когда в единственное окно моей комнаты входят прямые лучи солнца. Сегодня они вошли как будто раньше обычного. Сначала в окно глянул бледный рассвет – я заслонился рукой, – затем по стенам поползли радужные краски, во всех углах понеслась беспорядочная игра света, и я проснулся окончательно.

Я проснулся и подумал: «Какая тишина, даже часы молчат, нет их привычного едва слышимого хода, отчего всё вокруг точно притаилось и прислушивается ко мне, вернее к моему участвующему пульсу и дыханию...»

Хотя нет, стрелка часов сдвинулась со своего места, и вновь замерла. Я отчётливо уловил слабое, почти мелодичное движение старого механизма.

Всё в порядке. Время не спит, как, впрочем, не сплю уже и я в столь ранний час, что, конечно, характеризует сегодня меня с положительной стороны, ведь я большой поклонник утреннего сна. А что поделаешь, люблю сладко беззаботно поспать примерно часов до десяти утра, а может, и до обеда в зависимости от обстоятельств, сложившихся накануне в течение дня или вечером, что вообще-то ничего не объясняет и совсем необязательно взаимосвязано. Просто надо честно признаться, что поздний сон и позднее пробуждение

– мой почти устоявшийся стиль. Ну привык я к такому ритму – и всё тут. Правда, если задуматься... – этот мой ритм – сплошное недоразумение. Днём пропускаю лекции, потому что утром меня не поднять. После обеда до вечера борюсь со сном в библиотеке, потому что не выспался. А вечером... – вечером я бесцельно слоняюсь по городу... в его старой части... Нравится мне буроватая кирпичная потрескавшаяся акварель прошлого: эти старинные просевшие особнячки с их причудливой отжившей архаичной архитектурой, перекошенные от дряхлости оконца с тусклым проблеском чьей-то жизни, кованые повизгивающие калитки и узорное решето балконов, навевающие почему-то на меня грусть... Грусть, или только лишь лёгкую причудливую тень её?

Нет, наверно, всё-таки, лёгкую задумчивую грусть прошлого...

Не знаю, что нашло на меня, какое настроение овладело мной, – и не хандра, и не последствия дурного сна. Может быть, я забыл, что сегодня первый день лета – плюс двадцать пять по Цельсию!

Я не спеша встал, тронул пальцем солнце на выбеленной штукатурке – апельсиновый коктейль, – прямая галлюцинация, – со стены не слижешь, даже если вернуться к реальности... И всё-таки я удивился. Золотистая охра на идеальном материале – настоящий этюд. Жаль, что я не художник.

Я оглядел свою комнату: небольшое нагромождение тумбочек между столом и кроватью, треснувшее зеркало над

умывальником. На потёртом кожаном кресле моя одежда, под кроватью пачка журналов и книга в тиснённом сером переплёте. Кажется, это томик стихов Фета – подарок Лизы Старецкой.

Интересно, что она сейчас делает. Спит?! Готовит кофе?! Или стоит перед зеркалом, только что поднявшись с постели! Скорее спит – на часах половина седьмого. Набраться б наглости – позвонить ей...

Я ещё раз оглядел свою комнату, глотнул тепловатую воду прямо из графина... – и представил, как звенит телефон в её квартире – пронзительно и резко, – как она просыпается, трёт припухшие со сна глаза, потом мягко встаёт с постели, вся до самых пят в лёгкой полупрозрачной галобие, и берёт трубку...

Стоп... Телефонные трели повисли в воздухе. Лиза так и осталась с телефонной трубкой в руке, с непроснувшимися серо-зелёными глазами.

«Га-ло-би-е!» – Я сказал вслух, растягивая по слогам это слово, а сам подумал: «Где ж я его слышал?!»

Галобие – простая накидка, может быть подвенечное платье, или просто одежда до пят?!

Лиза опустила трубку, но гудка не было. В реальности-то всё по-другому.

Я поставил на край стола графин, который всё ещё держал в руках. Что толку звонить! Как только я наберу её номер –

очень вежливо и предельно ясно мне ответят: «Лизы нет дома... У неё сессия... Вышла две минуты назад... Сдаёт экзамены... Ещё не приходила... На даче... Ушла в магазин...»

Странно, что всё именно так и есть. Никто не обманывает меня. Когда я звоню ей – её нет. Минуту назад она была, разговаривала, пила чай, смеялась. Позвони минутой раньше, я узнал бы, что она и не приходила. Я иногда точно в другом измерении... Наверно так бывает только со мной.

Помню, как меня зачем-то искали друзья. Сбились с ног. А я был у всех на виду и даже обращал на себя внимание местных красавиц ореховыми зеркальными очками, взятыми напрокат до вечера у своего закадычного друга Миши Лайкина. И вот он я – эдакий Джеймс Бонд, или Джо Дассен, а скорее Ив Монтан в молодости – элегантный и обаятельный, в затемнённых зеркальных очках и с очаровательной белозубой улыбкой.

Впрочем, тогда я не улыбался. Мне хотелось выглядеть загадочно и неотразимо. И покорять местных красавиц я желал быстрым гипнотизирующим взглядом, бросая его лишь в исключительных случаях на самых стройных из них. При этом, небрежно держа в руках Мишкины очки и как бы машинально протирая зеркальное стекло от невидимых пылинок, я с лёгкостью воображал себя неким утончённым эстетом, способным при любых обстоятельствах в мгновение ока оценить всю прелестную антропологию юных див, – оценить со знанием дела, со всем, так сказать, нерастраченным

ещё пылом и задором. Но что-то шло не так, что-то не срабатывало в самый ответственный момент, и наставления лучшего друга, как и его ореховые зеркальные очки – свежий шик мимолётной моды, – не спасали...

Наверно мне просто не везёт. Не везёт из-за того, что стараюсь быть на кого-то похожим, примеряю, так сказать, чужой образ, а то и манеры, от которых иногда самому смешно... Хотя, скорее, не в этом дело. Вероятнее всего, меня подводит банальное нетерпение, а ещё больше отсутствие, так сказать, общей стратегии поведения и работы над собой...

Как это раньше не пришло мне в голову! Если б меня осенило это хотя бы вчера – я бы наверняка с вечера лёг спать пораньше, а проснувшись в ранний утренний час, вряд ли б стал прислушиваться к ходу часов... Я б сразу вскочил и сделал зарядку, а затем за чашкой кофе не спеша бы почитал газету – мне ведь сегодня некуда спешить, – и, может, наконец-то, раскрыл бы томик стихов Фета, что лежит под кроватью, после чего начал бы одеваться, – одеваться неторопливо, с достоинством, как я умею, когда захочу.

А потом, – потом, наверно, я всё-таки позвонил ей... Позвонил бы примерно до обеда... может даже и в полдень – ей ведь сегодня тоже некуда спешить. Или встретил бы её, конечно случайно, на улице или в полупустом троллейбусе, который...

Впрочем, я уже вижу, как мы почти сталкиваемся на трам-

вайной обстановке...

Я вскакиваю в трамвай, а она выходит в другую дверь или, наоборот, – я выхожу, а она входит...

Фатальное невезение. Я стою у закрывшейся перед моим носом дверью и наблюдаю, как она проходит в салон, садится и, задумавшись, смотрит в окно мимо меня. Или идёт по тротуару с пакетом, сумкой, авоськой, а трамвай уносит меня в центр огромного города, где, затерявшись в людском потоке, в тесноте автобуса, в такси или просто у витрины магазина, я вдруг гляну вверх, туда, откуда за нами смотрит солнце, и замру на несколько мгновений, точно пытаюсь найти апекс – точку в небе, куда движется земля, а значит и я.

Занимательная история. А между тем я выпил воду из графина, разглядел свою комнату, как будто до этого никогда её не видел, вспомнил кое-что из своего бытия, а на душе какой-то сероватый камень, который я так и не свалил. Дурацкое состояние.

Мне бы вылезть в окно, отыскать в саду бочку с водой, нырнуть в неё и обрести своё всегдашнее равновесие. А я сижу на столе, качаю ногами и как будто пытаюсь анализировать своё состояние. К чему это? К чему запутывать самого себя? Не лучше ли отказаться игнорировать определённые законы. Ведь сегодня я свободен как никогда.

На пустынной улице яркое солнце и небо высокое и голубое как в лучшие дни. Где-то зазвенел будильник. Закрывая за собой металлическую калитку, я обернулся и посмотрел

на дом, из которого только что вышел. Обыкновенный дом: среди фруктовой зелени красноватая черепичная крыша. Таких вокруг наберётся с полсотни – небольших деревянных домиков, построенных когда-то добротнo и основательно из леса, которого давно уже нет. Это один из самых тихих пригородов. Многоэтажная экзотика ещё не дошла сюда.

Второй год, как я живу в небольшой самой солнечной комнатке этого домика. Две другие – наглухо заколочены и опечатаны хозяевами, которые давно уже перебрались в центр в большую благоустроенную квартиру. А я, естественно, за символическое вознаграждение – проживание, и в этой же связи вменяемой мне, но давно забытой мной обязанностью сторожа-садовника – с удовольствием, особенно летом, непринотливо и без усилий ощущаю себя если и не курортником, то, наверно, каким-нибудь его ленивым денщиком, а может и высокопоставленным адъютантом при заброшенном и всеми забытом сельхозштабе, с буйно обступившем его одичавшей растительностью.

Обрывать с друзьями небольшой заросший сад и объедаться почти всё лето кислыми яблоками или вишнями, наверно, это и есть моя самая основная обязанность.

Я шёл по направлению к цветочному рынку, прислушиваясь к слабо доносившемуся сюда пробуждению города. Здесь ещё всё спало. Двое стариков с корзинами, наполненными нежно-розовыми и желтыми тюльпанами, вышли из переулочка и по-деловому семенили впереди меня. В воздухе таяла

утренняя свежесть, пели птицы, высоко над головой кудрявилось одинокое облако.

Неожиданно за углом громыхнул трамвай, нарушив на несколько мгновений гармонию тишины и света, и я бросился его догонять. Когда б я ни подходил к остановке – всегда одно и то же: ускоряюсь, спешу отыграть у времени пару минут, как будто это даст мне перед ним осязаемое преимущество или некие дивиденды. У времени свои законы.

Я остановился, посмотрел вслед уходящему ярко-красному вагону, и мне захотелось засмеяться. А ведь верно, что я набит кучей привычек. Я привык, проснувшись поутру тут же искать глазами часы, вечером засыпать под их размеренно ритмичное наваждение. Выходя из дома, я привык, обернувшись, бросить взгляд на своё окно с резными всегда раскрытыми ставнями. В центре города, по привычке купив газету, я привык помахивать ею, словно меня одурманила жара или окружили мухи. Я насчитал бы у себя ещё дюжину привычек, но почему-то подумал: «Если б, ускорившись по привычке, я успел к трамваю и уехал в нём, то я не увидел бы весело засверкавшую радугу в фонтане брызг поливальной машины, приблизившейся к остановке; не увидел бы на промытом асфальте в зеркале-луже бесхвостого голубя, жадно пьющего воду; не увидел бы велосипедиста в зелёной майке, стремительно выкатившегося из переулка и так же быстро скрывшегося за углом дома; не заметил бы рыжего бородача, сонно глянувшего на меня из окна соседнего дома. Но в

том умчавшемся трамвае я мог бы узнать что-нибудь другое и думал бы о чём-то другом, о чём теперь никогда не узнаю. Что изменилось бы? В умчавшемся вагоне я прожил бы другую жизнь и думал бы совсем о другом? Вздор! Чтобы ни произошло, я вспомнил бы её, ведь я столько думал о ней».

Подошёл трамвай, а я стоял не двигаясь. Когда он ушёл, рыжий бородач удивлённо уставился на меня, в его руке тускловато серебрилась алюминиевая кружка. Знал бы он, что в эту минуту я принял кардинальное решение. Я еду в Семенчуки – старый пригород, где живёт Лиза Старецкая. Но для этого нужно перейти на другую сторону улицы и дождаться трамвая в противоположную сторону.

Я посмотрел на бородача и моргнул ему двумя глазами, как это делают во французских кинокомедиях душевнобольные. Медленный поворот налево... Каково ему сейчас!

Я перешёл улицу и огляделся... Поливальная машина скрылась за поворотом, асфальт местами просох, в луже, где пил воду бесхвостый голубь, плавал пух, даже окно, в котором маячил бородач, было задёрнуто белыми занавесками. Сквозь их узорные дырочки серебрилась алюминиевая кружка.

Неожиданно подошёл трамвай. Я вскочил в пустой салон и устроился на задней площадке. На часах было без четверти семь.

Всю дорогу я смотрел, не отрываясь, на знакомые улицы. В салон уже входили и выходили, стояли, разговаривали, чи-

тали газеты, а я как в тумане всё это видел и слышал, даже отвечал на чьи-то вопросы. Я думал о ней.

Прошёл месяц, как мы знакомы, а я словно знал её всю жизнь. Я всегда знал, как она улыбается, смеётся, как дрожат её тонкие пальцы, когда она волнуется, как пахнут её волосы после дождя, тугие и сверкающие от бриллиантовых капель, как вуалью опускаются ресницы и дымкой заволакиваются её глаза, как звенит её голос, как отчётливо постукивают об асфальт каблучки её туфель, когда она сердится.

Я как бы уже знаю её всю, хотя и видел всего-то два раза.

Первый раз – в библиотеке, когда я, отчаянно борясь со сном и откровенно зевнув, всё-таки положил свою голову на раскрытую книгу, собираясь вздремнуть, а сидящая впереди девушка, – это была она, – обернувшись на моё раздавшееся вскоре сопение взволнованно спросила:

– Вам плохо?

И мне, конечно, сразу стало плохо от этих широко раскрытых серо-зелёных глаз, от нежных полуоткрытых губ, с нетерпением ждущих моего ответа и на миг застывших в своей необычно тонкой очаровательно-вопросительной мимике.

Кажется, я ответил едва слышимым, даже в библиотечной тиши, голосом. Ответил, что умираю.

Но умирал-то я как-то неумело и слишком уж картинно. Даже ушами попробовал шевельнуть – очередная моя глупость, – что, безусловно, выглядело почти чёрной неблаго-

дарностью на фоне её искреннего беспокойства.

И чего же я идиот добился! Ведь этого и следовало ожидать: она, презрительно сверкнув на меня своими прекрасными глазами, сердито и навсегда отвернулась, чтобы больше никогда не видеть меня и мой уже полный раскаяния и сожаления взгляд.

Она даже подалась несколько вперёд, наверно, чтобы меньше ощущать на своей спине этот мой буравящий, но уже очень расстроенный взгляд.

Глядя на её золотистые от лёгкого загара чуть подрагивающие от негодования плечи, выглянувшие из локонов светло-каштановых волос, я всё же приободрился. Если моя неожиданная выходка чуть так задела её то, скорее всего, ещё не всё потеряно. И по всему, мне надо готовиться к ответному сокрушительному удару.

И я стал готовиться. Я стал следить за всеми её действиями, стараясь предвосхитить и смягчить этот удар, чтобы широкой грудью приняв его, ни в коем случае не отбросить, а, постепенно загасив, попробовать изобразить своё полное поражение либо капитуляцию. Это так нравится девушкам. Особенно красивым.

Я даже два раза вскочил и подал ей – в первом случае карандаш, который она нечаянно уронила на пол, а во втором – колпачок от авторучки, который она специально забросила под стол.

Я слишком долго его искал, ползая по паркетному полу

вокруг её стола, пока она не догадалась, что я просто любовался изумительной стройностью её ног и их нежным волнующим загаром. И это, вероятно, была последняя капля, переполнившая чашу её терпения.

Она встала и быстро пошла к выходу из читального зала, а я с тихим и подавленным возгласом: «Ну, вот же этот колпачок...» – навсегда оставшемся висеть в разряжённом воздухе зала, чувствуя на себе любопытные взгляды редких читателей, неуверенно последовал за ней навстречу своей ускользающей капитуляции.

Сдаваться я планировал в вестибюле, где был буфет и где продавалось сливочное мороженное и ванильные булочки с лимонадом – или, на худой конец, на широких гранитных ступеньках городской библиотеки.

Но когда я обратился к ней, напустив на себя покорный вид, она, даже не взглянув на меня, прошла мимо, неся с собой по вестибюлю тонкий запах, какого-то свежего и нежного соцветия или просто неизвестного мне цветка. Я запомнил этот запах и безошибочно шёл по его следу, боясь поднять на неё глаза. Мой взгляд – был враг мой. Он почему-то будил в ней бурю отрицательных эмоций. Наверно она теперь судила обо мне лишь по тому взгляду и по той минуте, когда я, снисходительно усмехаясь и зубоскаля, ленивым полушёпотом заявил ей, что умираю от этого её взволнованно-участливого «Вам плохо?..».

Так я думал, искоса поглядывая на её независимую по-

ходку и гордый профиль, который она несла до трамвайной остановки, отказываясь всякий раз общаться со мной, когда я пытался начать диалог. Но я не пал духом. Я вскочил за ней в трамвай и, нагло усевшись рядом, в очередной раз попытался объясниться и сгладить негативное впечатление о себе. На этот раз я начал в том смысле, что умирать и исчезать теперь с белого света мне совсем не хочется, но действительно сейчас умру, если она не скажет мне хотя бы своё имя. Я даже левой рукой драматично схватился за грудь, – там, где в непривычном учащённом ритме колотилось моё сердце.

И она не выдержала, и ответила, что театральное представление, которое я устроил, абсолютно никакого впечатления не произвело, а моё немедленное исчезновение не вызовет у неё даже малого сожаления.

Но взгляд её потеплел. На Руси к смертельно больным всегда относились с сочувствием. Да и вовсе не улыбалось мне умирать безымянным героем. Воспользовавшись тем, что она наконец-то заговорила, я, сознавая, что полная безоговорочная капитуляция должна проходить цивилизованно и культурно не мешкая представился, не забыв, конечно, принять самый смиренный вид.

Наверно Бог всё-таки есть на свете, и как хорошо, что он мужского пола.

Она, помедлив и, может быть, впервые посмотрев на меня пристально долго, как бы изучая меня и сомневаясь в том, стоит ли связываться с этим подозрительным типом, ответи-

ла просто и коротко:

– Елизавета.

«Вот это имя!» – про себя восхищённо отметил я, торопливо выходя за неё из трамвая на остановке. – Царское имя... Может, и отчество у неё как у одной из русских императриц – Петровна. Впрочем, и в Англии, кажется, правила королева Елизавета.

И тут сомнения почему-то исподволь прокрались в мою душу. А что, если это розыгрыш.

Я украдкой глянул на неё, всё же ещё побаиваясь нарушить своим взглядом наметившийся тёплый мирный диалог двух держав.

– Извиняюсь, а полное имя не Елизавета Петровна? – спросил я, от волнения чуть было не начав с обращения «Ваше высочество».

– Нет, моё отчество не Петровна.

Девушка молча шла рядом и, по-видимому, не пыталась меня разыграть и посмеяться над моими чувствами.

– Значит, Лиза? – приободрившись, осторожно прощупал я её настроение.

– Меня зовут Елизавета, – так же просто настояла она, и очень пристально ещё раз посмотрела на меня, как бы говоря между строк: «Ещё одно фривольное суждение и разговор будет окончен раз и навсегда, без права обжалования, апелляции и с поражением других всевозможных прав».

И я согласился, поспешно кивая головой. Какие могут

быть права у побеждённых! Правда, дерзкий мой язык всё же промямлил:

– Может, всё-таки – Лизок? Звучит тепло и дружески, даже как-то по-домашнему...

«Боже, что я говорю!» – подумал я в ту же секунду и почти с испугом посмотрел на Елизавету, представляя, как она сейчас же отомстит мне. К примеру, перейдёт на другую сторону улицы или, чего доброго, обратится за помощью к двум домохозяйкам, которые семенили недалеко от нас и уже оглядывались по сторонам в надежде придраться к кому-нибудь, чтобы обсудить это у себя на лавочке. Вероятно, это было бы даже похуже англо-бурской войны.

Но она промолчала – отличный знак. На этот раз пронесло...

«Так, значит, нас зовут Лиза... Лизок... Элиза, – думал я. – Нет, Элиза это, конечно, из другой оперы...»

А всё-таки характер, надо признаться, у Лизы – настоящий... Как у Клеопатры Египетской – ну очень покладистый...

– Лиза, я должен перед Вами извиниться... – Я решил сразу же поставить свою скромную подпись под всё тем же актом безоговорочной и добровольной капитуляции и окончательно сдаться на её милость. И даже готов был к любой самой большой и непосильной контрибуции. Например, готов был сесть в долговую яму, но непременно купить билеты в театр на весь летний сезон.

– Я не обиделась, – ответила она и чуть заметно улыбнулась.

Так мы и беседовали до самого её дома: она – вежливо и воспитанно отмалчивалась, изредка кратко и чересчур корректно, как случайному попутчику, отвечая на мои несмолкающие спичи и реплики. А я, – я просто влюбился с первого взгляда в эту очень красивую и удивительную девушку и не переставая нёс редкостную по своей бестолковости околесицу.

Колпачок от ручки я вернул ей у самых дверей её дома. Я просто настоял на этом, задерживая её кулачок в своей руке и неуверенным голосом упрашивая о встрече, хотя бы последней в моей жизни.

И в этот последний раз мы встретились, как и условились, через неделю в сквере, рядом с её домом, у книжного киоска.

Я благоухал от запаха парикмахерской, где незадолго до этого, можно сказать, впервые побывал, безжалостно расставшись там со своими чересчур длинными и спутанными волосами.

Три ярко-красных тюльпана были у меня в руках, а в нагрудном кармане ещё новой кремовой рубашки, взятой напрокат до вечера у всё того же закадычного друга Миши Лайкина, лежали его же ореховые зеркальные очки, которые так мне шли и которые он по такому случаю в сердцах сорвал со своего носа.

А Лиза пунктуально точно, но тем не менее неожиданно

появилась со стороны киоска с томиком стихов, который с очаровательной улыбкой и без лишних слов подарила мне, наверно, в воспитательных целях и в святой надежде положительно повлиять на мой что ни на есть бесшабашный и невозможный нрав.

«Следующая остановка «Старые Семенчуки» – раздалось из динамиков. Я вздрогнул. Сейчас я увижу её. В груди что-то жалко сжалось, я почувствовал, как участился пульс, как по всему телу пробежала пронизывающая тёплая и одновременно нахолаживающая волна. Неужели я так волнуюсь?! Руки мои крутят пуговицы на рубашке. Я точно в лихорадке. Странно, такого со мной ещё никогда не было.

Я вышел на остановке из трамвая и сразу же увидел её дом.

В первый раз, когда я проводил её до самых дверей, я подумал о том, что если когда-нибудь у меня будет свой дом, то окна его будут смотреть на многолюдную улицу и в небольшие ухоженные заросли с другой его стороны, так же открыто и свободно, как у этого небольшого уютного двухэтажного особнячка.

На красивых резных дверях в глаза бросалась небольшая медная табличка с надписью, выбитой вязью: «Профессор Старецкий В.В.» Почему-то я заметил её только сейчас.

Я попытался представить её отца, но ничего не вышло... Противоречие и неизвестность. Долгий прерывистый звонок и тишина. Откуда такая самоуверенность?! На часах начало

ВОСЬМОГО...

Слава Богу, никто не вышел.

Я послал ещё два долгих звонка в тишину дома и вышел на залитую солнцем улицу. В воздухе стоял лёгкий гул... Предчувствие – птица без крыльев...

Я глянул на её окно, которое было сплошным отражением неба, и медленно пошёл по узкому тротуару.